

Нет автора

**Чтения в Обществе истории и древностей
российских при Московском университете.
1868**

Книга 3

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1868: Книга 3 / Нет автора – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 708 с.

ISBN 978-5-4241-9980-6

ISBN 978-5-4241-9980-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

15 DEC 1965

•

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ

ПЕРІОДА УДѢЛОВЪ.

Минувшее и настоящее часто цѣлою бездною отдѣляются другъ отъ друга. Тамъ беззаботность и игры, сдѣсь воля твердая, страсти живыя, помыслы высокіе; тамъ дитя—шалунъ, сдѣсь заботливый отецъ семьи, мужъ высокой доблестями религіозными и гражданскими. Тамъ и сдѣсь, въ настоящемъ и въ прошедшемъ, одинъ и тотъ же человекъ, но въ различныхъ образахъ, которые какъ будто бы принадлежать двумъ отдѣльнымъ лицамъ. Тысячи обстоятельствъ, тысячи впечатлѣній неувловимыхъ растили и живили зерно, зароненное въ душу человека свыше, и онъ самъ себѣ не даетъ положительнаго отчета, какъ онъ созрѣлъ на радость семьи, славу родины, украшеніе человечества.

Еще труднѣе обхватить мыслию то огромное различіе, которое мы находимъ между жизнію народа младенчествующаго и жизнію народа возмужалаго. Теперь Россія первенствуетъ въ системѣ Европейскихъ Государствъ, * двуглавый орелъ ея ширитъ крылья свои надъ тремя частями свѣта, и многіе народы сокрылись подъ тѣнію ихъ; а тамъ, при Рюрикѣ, Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ, эта Россія—младенецъ, едва отбивается отъ полудикихъ сосѣдей своихъ. Какъ предугадать въ этомъ младенцѣ-народѣ его блестящую будущность, его могущество, его первенство? Когда даже развернуты скрижали исторіи нашей, этотъ переходъ Россіи, какъ бы отъ ничтожества, къ роли важной, къ значенію великому въ жизни человечества, остается для насъ почти загадкою.

* Писано въ 50-тыхъ годахъ. О. Б.

Не случайно же возникло это Государство-колось! Правда, наши ученые думаютъ, что оно обязано своимъ возвышеніемъ Монголамъ, или политикѣ Московскихъ Князей, опиравшихся на руку Монголовъ, но ошибочность подобнаго предположенія, унижительнаго для человѣка и народа, открывается изъ самыхъ простыхъ соображеній. Пуля летитъ, когда сила дѣйствуетъ; столбъ праха держится, когда сила вихря вздымаетъ его; но ослабла сила, пуля падаетъ, прахъ разсыпается. Москва же, послѣ паденія Монголовъ, не останавливается въ своемъ движеніи, возвышается быстро, и мысль о единодержавіи зрѣетъ въ ней, достигая наконецъ блестящаго, можно сказать, безпримѣрнаго развитія въ царствованіе Петра. И что умъ человѣческій, что политика наша, когда расходятся на безгранной поверхности моря свирѣпыя волны, когда развернутся могилой хлябы бездонныя, могучій вѣтръ сорветъ паруса, сломастъ мачты, и корабль въ дребезги расшибается о подводный камень, о гранитныя скалы? А жизнь духа еще глубже, безграннѣй, могучѣй, нежели самое море. Сорвется она съ якоря вѣры, съ якоря думы, которую духъ носить въ самомъ себѣ, обойдется страстями, и тогда ни какая политика, ни какія силы не задержатъ ее въ граняхъ, тогда жизнь—бушующее море и политика—разбитый корабль о гранитныя скалы. Мудрая политика ищетъ силъ не въ себѣ, а въ самой жизни народа. Въ думѣ Божественной смиряются стихіи, и изъ нихъ возникаетъ безконечно дивный міръ; въ думѣ Божественной почиетъ и зрѣетъ жизнь народная. Не случайно, во всякомъ случаѣ, пала сила Казарская; не случайно, при Святополкѣ-Михаилѣ дикіе сосѣди наши, Половцы, отброшены были далеко отъ предѣловъ Государства; не случайно исчезли на берегахъ Непрядвы полчища Мамая: о грудь Русскую разбивалась и сила Казарская, и сила Половецкая, и сила Татарская. Во время междуцарствія врагъ ворвался въ самое сердце земли Русской, и испепеливъ кругомъ города и селы, воцарился на престолѣ Мономаховомъ, попирая завѣтное наше; казалось, пробилъ уже послѣдній часъ родины, и тщетно лили предки кровь свою, защищая самобытность земли Русской. Но духъ жизни носился надъ нами, и искра, ниспавшая свыше въ душу Минина, разрѣшаетъ бурю жизнь родины, и въ этой бурѣ врагъ исчезъ, какъ сонъ: слѣды опустошеній и борьбы всюду, но ясенъ небосклонъ и торжественно воздымается грудь Русская, упиваяся воздухомъ свободы. Не случайно же, по крайней мѣрѣ, все это: сдѣсь

воля разрѣшила за разъ отношенія всѣхъ интересовъ жизни, и переломила ихъ въ чувство глубоко религіозное и въ чувство живой любви къ родинѣ. Не случай жизнь человѣка, а тѣмъ болѣе жизнь цѣлаго и великаго народа. И человѣкъ и народъ — храмъ истинъ Божественныхъ, храмъ любви и вѣры; и великъ, могучъ народъ Русскій сознаниемъ своего назначенія! Петръ одинокъ въ исторіи всемірной: подобнаго Царя не представляютъ ни древній, ни новый міръ, и Петръ принадлежитъ Исторіи Русской: въ немъ говорила, дѣйствовала душа Русская; онъ возникъ въ средѣ жизни Русской: и всѣ великія думы его пали на широкую грудь его родины: она хранитъ ихъ, и это одно уже залогъ великихъ судебъ Россіи въ судьбахъ человѣчества. Но да не гордимся мы своимъ назначеніемъ, а благоговѣнно преклонимся предъ Всевышнимъ, и да совершимъ торжественно-религіозно тотъ путь, на которомъ поддерживааетъ насъ дума свыше. Предъ нами миліоны предковъ, павшихъ съ оружіемъ въ рукахъ, защищая великую святыню, которой храмомъ были они, которой храмомъ должны быть мы, которой храмомъ должно быть Православное Царство Русское.

Гдѣ же храмъ этотъ въ періодѣ Удѣловъ? Гдѣ проблески этой блестящей будущности? Сдѣсь все разбито, разъединено, все враждуетъ между собою.

Рѣзкія противоположности составляютъ отличительную черту сего періода, и этѣ противоположности въ одномъ и томъ же лицѣ, въ одной и той же части Государства. Даются клятвы, и посреди дѣлъ полныхъ благочестія нарушаются; храмы то воздвигаются чувствомъ благоговѣнно-религіознымъ, то святотатственно разрушаются; то льется кровь, то слышится плачь, молитвы; роздаются имѣнія вдовамъ, сиротамъ, нищимъ, и человѣкъ является отшельникомъ. Общая дума Князей какъ бы притомитъ поганыхъ Половцевъ, губителей земли Русской: они соединяются противъ нихъ, громятъ земли Половецкія; и этѣ же Князья вводятъ поганыхъ въ Русскую землю и вмѣстѣ съ ними пустошатъ ее. Князья ищутъ власти, стремятся расширить предѣлы владѣній своихъ, и они добровольно уступаютъ части удѣловъ Князьямъ младшимъ, Княгинямъ, Княжнамъ, въ видѣ надѣла, дара, приданаго. Дружины то являются преданными безпредѣльно Князю своему, то возникаетъ посреди ихъ крамола, и они же какъ будто дерзко встаютъ противъ закона и порядка. Въ

самоу основаніи Удѣльной системы вроятся два положенія, которыя, по видимому, не только не предвозвѣщаютъ величія Россіи, но, напротивъ, стремятся разрушить ее. По первому изъ этѣхъ положеній, каждый потомокъ Княжескаго рода имѣетъ право на особый удѣлъ; по второму старѣйшій Князь обязанъ былъ не только поддерживать права каждаго младшаго Князя, но, съ расширеніемъ собственныхъ владѣній, расширять владѣнія и Князя младшаго. Нарушить этѣ положенія значило вооружить противъ себя и сдѣлаться жертвою времени. Воля Всеволода Ольговича должна была также покориться времени. Сначала Всеволодъ думалъ расширить свои владѣнія въ Кіевской системѣ удѣловъ, но встрѣтилъ въ этомъ сильный отпоръ со стороны Мономаховичей. Когда, на примѣръ, онъ выступилъ войною противъ Андрея Володимировича, и требовалъ отъ него удаленія изъ Переяслава, Андрей отвѣчалъ: «Ты можешь убить меня, но не изгнать; пока живъ, не оставлю Переяслава». ¹ Видя подобное сопротивленіе въ Князьяхъ рода Мономаха, Всеволодъ было измѣнилъ свои намѣренія, и искалъ дружбы сихъ Князей, стараясь угодить имъ; но это вооружило противъ него опять Князей Черниговской системы, его ближайшихъ родственниковъ: они поднялись войною и заставили его удовлетворить ихъ требованія. ² Когда Ростиславъ Кіевскій, стѣсненный Князьями Черниговской системы удѣловъ, вздумалъ уступить подъ младшимъ Княземъ, племянникомъ своимъ, Мстиславомъ, Переяславъ, Мстиславъ разорвалъ съ нимъ союзъ, сказавъ: «Такъ не мнѣ Переяславъ, не тебѣ Кіевъ», и бросилъ въ то же время поле битвы. ³ Андрей Боголюбскій хотѣлъ изгнать Ростиславичей изъ ихъ удѣловъ; но Ростиславичи обидѣлись этѣмъ до такой степени, что одинъ изъ нихъ, Мстиславъ, велѣлъ остричь голову и бороду послу, дерзнувшему передать ему требованіе Андрея: ⁴ Каждый Князь искалъ

¹ Ипат. 16.

² Ипат. 18 и 19.

³ Ипат. 76: Мстиславъ же то слышавъ, иже даетъ подъ нимъ Переяславъ, рече: «Да ни мнѣ будетъ Переяслава, ни тебѣ Кіева.» И рекъ, повороти конь Мстиславъ подъ собою, съ дружиною своею, отъ стрѣя своего».

⁴ Ипат. 109: Мстиславъ бо отъ уюсти навькълъ бяше не уполошиться ни кого же, но токмо Бога единого блюстися; и повелѣ Андрея посла емше, постричи го-

себѣ удѣла, и получалъ его; каждый Князь, при первой возможности, стремился расширить свою власть, свои владѣнія, и отстаивалъ до послѣдняго свои права на удѣлъ, жертвуя для этого общимъ и частнымъ благомъ. Такимъ, образомъ съ постепеннымъ увеличеніемъ членовъ Княжескаго рода, Государство должно было болѣе и болѣе дробиться и перейти наконецъ какъ бы въ помѣщичьи владѣнія. Гдѣ же здѣсь храмъ святости?... И въ древнія времена, какъ и теперь, Русь была полна вѣры и благоговѣнія къ Царю Царей и къ властителямъ своимъ: нѣтъ различія между тою и другою Русью въ характерѣ быта и жизни; различіе между ними состоитъ единственно въ степени образованности, въ степени развитія понятій о жизни вообще, и преимущественно о жизни Государственной.

Широкимъ, заманчивымъ моремъ раскидывалась предъ юнымъ воображеніемъ предковъ нашихъ природа. Они были поражены величіемъ, таинственностію ея и, какъ дѣти, хотѣли быть вездѣ, видѣть все, и завладѣть всеми благами міра. По этому мы видимъ ихъ посреди лѣсовъ, полей и водъ; посреди опасностей съ оружіемъ въ рукахъ, ищущихъ золота, серебра, драгоценныхъ камней, дорогихъ тканей и т. п. Святославу и на яву и во снѣ мечтались богатства земли Болгарской: «Не любо ми есть въ Кіевѣ быти,» говорилъ онъ; «хочю жити въ Переяславцѣ на Дунаи, яко то есть середѣ земли моеи, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъъ золото, паволоки, вина и оwoщеве разноличныя; изъ Чехъ же и изъ Угоръъ сребро и конони; изъ Руси же скорѣ (мѣха), и воскъ, медъ и челядъ.» Въ этихъ словахъ рѣзко выражается время, взглядъ времени на жизнь. Святославъ забываетъ трудъ, опасности, чтобъ только завладѣть Болгаріею, этимъ земнымъ раемъ. Мечта его вдохновляетъ и его воиновъ, и въ этой мечтѣ сливается бытіе съ смертію, исчезаетъ весь міръ. Здѣсь жизнь, здѣсь поэзія жизни, безотчетное и могучее увлеченіе прелестями міра Божія: они Святослава увлекутъ, или онъ падетъ за нихъ: «Ляжемъ костями ту», говорилъ онъ дружинѣ въ минуту критическую, «мертвые бо срама не имуть. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имама, и не имама

лову передъ собою и бороду, рекъ ему: «Иди же ко Князю своему, и рци ему: «Мы тя до сихъ мѣстъ акы отца имѣли по любви; аже еси съ сакими рѣчьми прислагъ, не акы къ Князю, но акы къ подручнику и просту чловѣку, а что умыслигъ еси, а то дѣй, а Богъ за всѣмъ.»

убѣжати, но станемъ крѣпко; азъ же предъ вами пойду. Аще моя глава ляжетъ, вы промыслите о себѣ.» Дружина Святослава была настроена тѣмъ же самымъ чувствомъ: «Идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ,» былъ отвѣтъ ея Князю. Такъ дико и бурно, по видимому, стремленіе Святослава на лоно богатствъ природы. Но что жъ задерживаетъ его посреди страстнаго желанія завладѣть Болгарією? Она уже была въ его рукахъ послѣ перваго похода, но онъ «вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Кіеву,» когда Кіевляне, извѣщая его о появленіи Печеньеговъ обь опасности, которая угрожала имъ вмѣстѣ съ матерью Святослава и его дѣтьми, сказали ему чрезъ пословъ своихъ: «Аще не поидеши, ни оборониши насъ, да паки ны возмутъ, аще ти не жаль отчины своя, ни матери стары сущи, и дѣтій своихъ.»⁵

Какъ орелъ, носясь въ поднебесьи, мчится съ добычею въ родимое гнѣздо, къ птенцамъ своимъ, готовый пасть за нихъ: такъ предки наши не разъ уносились далеко отъ родимаго очага, и, стяжая лишеніями и опасностями блага міра, стремились съ богатствами въ родную семью. Семья была для нихъ болѣе, чѣмъ жизнь. Въ ней сознавалось значеніе бытія челоуѣка, даже бытія міра: она храмъ, святиня. Для нея блага міра, для нея всѣ силы, всѣ помыслы, для нея молитва, вся жизнь. Чувство семейное двигаетъ всѣми дѣлами періода удѣловъ; оно говорило въ Князьяхъ, въ дружинахъ, въ народѣ. Въ этомъ чувствѣ миръ, и нѣтъ ни войны, ни тревогъ, и всѣ противоположности, о которыхъ мы говорили сейчасъ, исчезаютъ въ немъ сами собою.

Чувствомъ семейнымъ опредѣляются отношенія къ природѣ, къ Богу, къ людямъ. Свершаетъ ли въ пространствѣ небесномъ свой дивный путь комета; теряетъ ли солнце въ затмѣніи свой свѣтъ, тьма разстилается и посреди дня мерцаетъ звѣздное небо: это не вѣстники мудрости Божественной, исполняющей жизнь всю вселенную, каждую точку безконечнаго пространства, а вѣстники несчастія того или другаго Князя, той или другой страны. Подобный взглядъ и на другія явленія природы. Вьется, на прим., стая орловъ надъ дружи-

⁵ Лавр. 28 и слѣд.

нами Княжескими: это предвѣстники несомнѣннаго успѣха. Всѣ явленія такимъ образомъ уясняются. Ихъ значеніе только около лица, семьи, подвластной Князю страны; ими Божество высказываетъ или гнѣвъ, или милость свою Князю и его близкимъ и подданнымъ.⁶ Семья чувствуетъ надъ собой во всемъ и вездѣ промысль, или гнѣвъ, Божественный, и въ радостномъ трепетѣ, или смущенная, падаетъ ницъ предъ Всемогуцимъ, возносится молитвами, дѣлаетъ жертвы, приношенія и воздвигаетъ храмъ за храмомъ, въ ознаменованіе ли милостей къ ней Божіихъ, или въ умилоствленіе Божества; разливаетъ любовь на весь подвластный ей кругъ; а въ то же время, руководимая тѣмъ же чувствомъ, тѣмъ же взглядомъ, стремится, если позволить такъ выразиться, поглотить, присвоить себѣ весь міръ и лишитъ его самобытнаго существованія. Тотъ же взглядъ въ отношеніи къ людямъ: или членъ семьи, или другъ, или данникъ, или врагъ. Семья желаетъ замкнуться въ самой себѣ со всеми благами и святынями міра: и святыни и всѣ блага міра для нея и въ ней. Ударъ, который падаетъ на нее, падаетъ на святыни, которыя она носитъ въ нѣдрахъ своихъ, и этотъ ударъ слышится ей во всемъ мірозданіи. Подобнымъ сознаниемъ, сколько бы оно ни было темно и грубо, отецъ семьи, глава семьи, невольно возвышается въ глазахъ собственныхъ, въ глазахъ подвластныхъ ему. По этому права его, права его семьи, должны были быть обширны, свято храниться, и всякое обстоятельство, которое нарушало жизнь въ семейномъ чувствѣ, не могло не ложиться тревогой на душу, и не вызывать на дѣла кровопролитныя и даже жестока.

Княгиня Ольга, узнавъ о несчастной кончинѣ Игоря, потеряла, казалось, все въ мірѣ, забыла наслажденія жизни домашней. Ни Древлянскій Князь Малъ, ни Императоръ Греческій, не успѣли привлечь ее, овладѣть ея рукою, по разсказу лѣтописца: она полна тоски, тревоги, и эта тревога высказывается тремя страшно кровавыми признаками, въ которыхъ погибли виновники смерти ея мужа и сожженъ Коростень. Самое даже принятіе Ольгою Христіанской религіи, быть можетъ, было слѣдствіемъ той же тревоги души, которая, не успокоившись гибелью враговъ, искала утѣшеній въ исти-

⁶ Ипат. 3, 90, 103, 147, 183 и др.

нахъ высокихъ и святыхъ Христiанской религіи; по крайней мѣрѣ, на этотъ религіозный путь чувство семейное вело другихъ Княгинь нашихъ, которыя, потерявъ мужей, отказывались отъ міра и удалялись въ монастырь. И не то ли же семейное чувство говорило въ междоусобныхъ войнахъ Князей нашихъ? Не оно ли, подобно перекатамъ грома, встревоженное въ самомъ себѣ, переливалось изъ тона въ тонъ и разражалось иногда бурей въ жизни народной?

Свенельдъ не былъ покоенъ, пока не погибъ Ярополкъ, виновникъ смерти сына его. ⁷ Неуваженіе воли старѣйшаго Князя въ родѣ, обнаруженное Глѣбомъ и Ярославомъ, вооружило противъ нихъ Владиміра Мономаха. ⁸ Многолѣтняя и упорная война Святослава Ольговича была плодомъ глубоко оскорбленнаго родственнаго чувства. На требованіе Давидовичей, чтобъ онъ удалился изъ Новгорода въ Путивль, а брата своего оставилъ заключеннымъ въ темницѣ, въ рукахъ Изяслава, Святославъ отвѣчалъ: «Ни волости хочу, ни иного чего, развѣ только пустите ми брата!» ⁹ и когда Давидовичи повторили требованіе относительно Игоря, соглашаясь оставить за нимъ Новгородъ, Святославъ прослезился, говоритъ лѣтопись, и, лишенный всѣхъ средствъ вырвать брата изъ рукъ Изяслава, не опускаетъ меча: становится подъ руку Георгія Суздальскаго; кланяется ему, признаетъ его отцемъ своимъ и молитъ за брата: «Брата ми, Всеволода, Богъ помятъ, а Игоря Изяславъ ялъ; а пойдѣ въ Рускую землю Кіеву, милосердовавъ, нальзи ми брата!» ¹⁰ Участіе въ скорби Святослава съ одной стороны, съ другой нарушеніе Изяславомъ его собственныхъ семейныхъ правъ, вооружаетъ Георгія противъ послѣдняго. Тогда возникаетъ рядъ войнъ жестокихъ, которыя, обнявъ всѣ системы удѣловъ и вводя не разъ полчища Венгровъ и Половцевъ въ Государство, опустошали его по всѣмъ направленіямъ. Тотъ же Георгій, сдѣлавшись Кіевскимъ Княземъ, сосредоточилъ силы двухъ системъ

⁷ Кенигсб. 66. «И моляше всегда Ярополку Свенельдъ: «Пойди на брата свой, приими волость его!» хотя отомстити сыну своему.»

⁸ Ипат. 7.

⁹ Ипат. 23.

¹⁰ Тамъ же 25.